

Когда вырастешь ты поймёшь

Калия Кавеа

Каля Кавеа

Когда вырастешь, ты поймешь

«Автор»

2026

Кавеа К.

Когда вырастешь, ты поймешь / К. Кавеа — «Автор», 2026

Оливия всегда хотела знать, почему её оставили в приюте. Но в двадцать шесть лет её жизнь будто замкнулась на одном и том же: несбывшиеся планы, тесная квартира и работа официанткой, с которой не выбраться. Оливия хотела узнать, кем были её родители. Но чем ближе она к разгадке, тем сильнее подозревает: пытаясь узнать прошлое, она может стать частью событий, которые привели её к собственной жизни. Был ли у неё выбор или всё уже было предрешиено? Решать вам

© Кавеа К., 2026

© Автор, 2026

Каля Кавеа

Когда вырастешь, ты поймешь

Глава первая

В детстве Оливия думала, что у каждого человека есть место, откуда он появился.

У кого-то оно пахло мамиными духами и свежим хлебом. У кого-то табаком отцовской куртки, мокрой шерстью собаки или яблоками, которые бабушка хранила в ящике под кроватью. Даже если дети не помнили самого первого дня, им рассказывали о нём. Показывали фотографии, повторяли семейные истории, спорили, на кого похож нос и в кого пошли глаза.

У Оливии была записка в папке.

Её нашли у приюта. При ней лежала записка с именем и больше ничего.

Когда она была маленькой, то часто представляла себе дверь приюта: тяжёлую, деревянную, с облупившейся краской у порога. Представляла руки, которые поставили её корзину на ступеньки. Иногда эти руки спешили: оставив ребёнка и сразу исчезали за углом. Иногда задерживались. Однажды в её воображении женщина даже вернулась, подняла корзину и прижала младенца к груди, но эта версия была самой короткой: Оливия не знала, что заставило бы ту женщину уйти во второй раз.

С возрастом фантазии стали реже. Ответов от этого не прибавилось.

Приют не был ужасным местом. И не был домом. Там всегда находились чистые простыни, горячая еда и взрослые, которые знали, когда у детей уроки. Но у каждого правила была причина не обязательно объяснённая, а у каждого ребёнка своя папка, где начало его жизни умещалось на нескольких страницах.

Оливия научилась не спрашивать слишком настойчиво. Воспитательницы не знали, кто её родители. Полиция не нашла тех, кто оставил её. Бумаги из приюта не менялись оттого, что она перечитывала их снова и снова.

После выпуска она несколько месяцев снимала комнату вместе с двумя девочками из приюта. Потом те разъехались, и Оливия перебралась в маленькую квартиру над прачечной. Её жизнь не рухнула и не сложилась как это принято считать - она просто понемногу потекла в сторону, которую никто заранее не выбирал.

Поступить учиться не получилось. Сначала не хватило баллов на программу, о которой она мечтала; потом пришлось выбирать между подготовкой к следующей попытке и оплатой комнаты. Оливия сказала себе, что попробует ещё через год. Через год у неё появилась работа. Потом - договор аренды, счета, смены и привычка откладывать важные решения до тех пор, пока на них не останется ни времени, ни сил.

С отношениями вышло примерно так же. Однажды ей казалось, что всё наконец начинается. Потом оказалось, что они с тем человеком смотрят в разные стороны и каждый ждёт, что первым изменится другой. Они расстались без крика, почти вежливо. И вот, Оливия вернулась домой одна и долго убеждала себя, что ей легче.

В двадцать шесть лет она работала официанткой в кафе на углу. Сначала собиралась продержаться там пару месяцев пока не найдёт что-нибудь получше. Прошло три года.

За это время она выучила, кому нужно принести кофе до того, как попросят, а кто любит подержать меню в руках, прежде чем сделать заказ. Знала, что у старика за столиком у окна по средам болит колено и что девочка из соседнего дома всегда просит сироп отдельно. Оливия помнила такие мелочи о других людях, хотя никто не просил её помнить.

О себе она почти не рассказывала.

Когда подруга по смене спрашивала, есть ли у неё семья, Оливия обычно отвечала:

- Есть люди, которых я знаю давно.

Это было правдой. Просто не совсем ответом.

Иногда, когда кафе пустело и за окнами уже темнело, она ловила себя на мысли: как бы всё сложилось, если бы её не оставили? Не если бы она выросла богатой или знаменитой - такие фантазии казались чужими. Просто если бы кто-то однажды решил оставить её у себя. Был бы у неё дом, где помнили бы её первые слова? Знала бы она, на кого похожа? Стала бы другой - смелее, счастливее, спокойнее?

И был ли у неё вообще отец? Мать? Может быть, они когда-то искали её. Может быть, не искали. В детстве Оливия верила, что ответы существуют где-то снаружи, и однажды кто-нибудь принесёт их ей. Теперь она знала: можно прожить годы, так и не получив объяснения.

Но желание не исчезало. Оно просто стало тише.

Глава вторая

В пятницу кафе закрылось позже обычного.

Последняя компания долго спорила над счётом, один из гостей уронил вилку, а у кофемашины застряла крышка. К тому времени, когда Оливия сняла фартук, на часах было без четверти одиннадцать.

— Я бы сказала «хороших выходных», но ты завтра опять выходишь, — заметила Дженни, её подруга по смене.

— Тогда скажи что-нибудь честное.

— Иди домой и не думай о работе хотя бы до завтра.

— Невыполнимо.

— Попробуй. Я за тебя завтра открою, так что у тебя будет утро.

Оливия посмотрела на неё с благодарностью.

— Ты уверена? Я могу поменяться с тобой на следующей неделе.

— Уверена. Просто отдохни.

Она не стала объяснять, как сильно ей нужен был этот день. За последние две недели смены шли одна за другой, а в квартире постоянно находилось что-нибудь, требующее внимания: счета, кран, стирка, звонки. Даже сон стал похож на короткую остановку между делами.

В подсобке Оливия пересчитала чаевые и положила их к зарплате в конверт. Деньги были обычными не такими маленькими, чтобы совсем не хватало, и не такими большими, чтобы можно было перестать считать. Их хватало на квартиру, еду и проезд, если ничего не ломалось и не случалось.

Она убрала конверт в сумку, попрощалась с Дженни и вышла на улицу.

Вместо того чтобы сразу сесть в автобус, Оливия решила пройтись. Воздух был прохладный, но приятный после целого дня в душном кафе. У витрин отражались фонари, на перекрестках гудели машины. Она шла медленно, позволяя усталости наконец догнать себя.

Сумка висела на плече. Внутри лежали телефон, ключи, кошелек и конверт с зарплатой. Оливия знала, в каком кармане что находится, и не проверяла содержимое: эта сумка была с ней каждый день.

Шаги сзади она слышала, но не сразу обернулась.

Незнакомец резко налетел на неё сбоку. Ремень от сумки дернул плечо, сумка сорвалась и исчезла в чужой руке.

— Эй! Стой!

Оливия бросилась следом.

Грабитель пересёк улицу, обогнул припаркованный фургон и свернул между домами. Оливия бежала за ним, пока не сбилось дыхание. На секунду ей показалось, что она почти догнала его - мелькнула тёмная куртка, мелькнула ее сумка. Потом он выскочил на соседнюю улицу и растворился в движении машин.

Оливия остановилась у края тротуара.

Дыхание обжигало горло. Сердце стучало так, будто всё ещё пыталось догнать вора. Она огляделась, надеясь увидеть хоть кого-то, кто заметил, куда тот побежал, но прохожие уже разошлись. Никто не смотрел на неё.

В сумке были деньги за квартиру.

Эта мысль пришла не сразу. Сначала Оливия всё ещё ждала, что сумка появится за ближайшим углом. Потом почувствовала пустоту на плече.

Она пошла домой пешком, уже не замечая ни витрин, ни прохладного воздуха.

В квартире было темно. Оливия включила свет, закрыла дверь на замок и осталась стоять в прихожей.

Оливия сняла куртку, прошла в комнату и легла на кровать, не разуваясь.

Потолок над ней был испещрён тонкой трещиной. Она следила за ней взглядом, пока та не расплылась.

Что же не так в её жизни?

Она работала. Платила за квартиру. Не просила у людей лишнего. Не ввязывалась в неприятности. Но стоило ей немного выдохнуть — случалось что-то, что отбрасывало назад. Будто она всё время шла по лестнице, на которой ступени под ногами незаметно менялись местами.

«До пятницы надо оплатить», — вспомнила она слова хозяйки. Если хозяйка квартиры узнает, что зарплату украли, разве это будет иметь значение? А если не узнает — где взять деньги?

Оливия закрыла глаза.

Она вспомнила уютную спальню с рядами одинаковых кроватей. Вспомнила, как в первый школьный день дети ждали, что за ними придут родители, а она — что-нибудь, не имеющее имени. Вспомнила выпускной, после которого воспитательница обняла её и сказала: «Теперь у тебя всё впереди». Тогда Оливия поверила. Или очень хотела поверить.

Она перевернулась на бок.

От прошлого у неё почти ничего не осталось. Несколько бумаг, пара рисунков, коробка вещей, которую она годами переставляла с полки на полку и ни разу не выбросила.

Оливия села. Она вспомнила про коробку где хранились мелочи из прошлого. Коробка стояла в шкафу, за стопкой полотенец. Она достала её и поставила на кровать. Картон продавился на одном углу; на крышке фломастером было написано её имя.

Она долго смотрела на эти буквы, прежде чем открыть.

Глава третья

В коробке пахло бумагой и пылью.

Оливия разложила вещи на покрывале. Несколько документов с печатями. Тонкий блокнот с детскими рисунками. Пластиковый браслет, который выдавали воспитанникам на экскурсии. Деревянная пуговица, блестящий камешек и маленькая открытка с нарисованным домом. На обороте детской рукой было выведено: «Для Оливии».

Она не помнила, кто это нарисовал.

В папке лежали листы из приюта — короткая биография, составленная взрослыми из того, что им было известно. Оливия не стала перечитывать их. Она знала каждую строчку.

На самом дне, под сложенным платком, лежали часы. Наручные из серебра. Выглядели изящно, с тонким браслетом и маленьким круглым корпусом. Когда-то они, должно быть, блестели. Теперь на металле проступила мягкая пatina: потемневшая у застёжки, почти чёрная в мелких углублениях. По краю корпуса шли несколько царапин. Одна глубокая, остальные тонкие, будто часы задели о камень или дверную ручку.

Оливия подняла их на ладонь.

Стрелки стояли. Она не знала, сколько лет часы не работали. В детстве ей говорили, что их нашли вместе с ней, но никто не разрешал разбирать их или отдавать в мастерскую.

Считалось, что это единственная вещь, пришедшая вместе с ребёнком, и потому её нужно беречь.

Оливия никогда не знала, кому они принадлежали.

Может быть, матери. Может быть, отцу. Может быть, человеку, который принёс её к дверям приюта и не имел к ней никакого отношения. Она провела большим пальцем по потемневшему серебру, стараясь представить запястье, на котором часы сидели так же свободно.

— Чьи же вы? — прошептала она.

Ответа не было.

Рядом с часами лежал маленький лист бумаги, сложенный вчетверо. Оливия развернула его.

На нём было написано одно слово: Оливия.

Ни «дорогой», ни «прости», ни подписи. Только её имя, неровно выведенное карандашом. Она знала этот лист. Воспитательница однажды сказала, что он лежал в корзине вместе с ней. Оливия часто пыталась представить, кто написал имя: женщина, мужчина, человек, который знал, как её будут звать, или тот, кто выбрал его в последний момент.

Она положила записку рядом с часами.

В эту ночь ответов не стало больше. Но впервые за долгое время Оливия всерьёз посмотрела на часы не как на вещь, которую нужно сохранить, а как на то, что ещё можно обменять на несколько дней спокойствия.

Серебро. Старый механизм. Может, кому-нибудь они покажутся ценными.

Оливия снова подумала о конверте с зарплатой, исчезнувшем вместе с сумкой. О пятнице. О пустом кошельке, который, наверное, уже валялся где-нибудь в переулке.

Она убрала рисунки и бумаги обратно в коробку. Часы оставила снаружи.

Наутро она пойдёт в ломбард.

Решение было простым. Почти разумным.

От этого оно не стало легче.

Глава четвёртая

Утром Оливия позвонила Дженни.

— Оливия? Что случилось?

— У меня украли сумку. Там были вещи и деньги. Я сегодня не смогу выйти, мне придется уладить пару дел. Но все в порядке.

— Ты ранена?

— Нет. Просто... мне нужно разобраться с квартирой и восстановить документы.

— Не переживай за смену. Я договорюсь с Мистером Роджерсом, я тебя заменю.

— Дженни, ты и так собиралась отдыхать.

— Отдых подождёт. Ты - нет. Позвони мне потом, ладно?

Оливия пообещала и положила трубку. Ей было неловко принимать помощь, но благодарность оказалась сильнее неловкости.

Часы она положила в карман пальто, завернув в платок. Ломбард находился в нескольких кварталах от кафе. Оливия несколько раз проходила мимо него, но ни разу не заходила.

Ломбард выглядел старым и уставшим, словно давно смирился с тем, что люди приходят сюда расставаться с прошлым. Но за потёртой дверью ярко горели лампы, а стеклянные витрины были чистыми до блеска. За дверью было тесно и тихо. В витрине на бархатных подушечках лежали цепочки, кольца и наручные часы. За стойкой сидел оценщик в очках с толстыми стёклами. Он выслушал её, достал лупу и попросил показать вещь.

Оливия положила часы на чёрную ткань.

Мужчина осмотрел браслет, корпус, застёжку. Проверил металл маленьким прибором, поднёс часы к лампе, покачал головой.

— Серебро настоящее. Состояние не идеальное, механизм стоит. Дам сто пятьдесят долларов.

Оливия посмотрела на часы.

Сто пятьдесят долларов не вернут ей сумку, не восстановят телефон и не решат все проблемы. Но аренду они немного перекроют. Можно было хотя бы не выбирать между жильём и продуктами.

— Не знаю, — сказала она. — Это всё-таки единственная вещь, которая осталась со мной с самого начала.

— Понимаю. Я не тороплю.

Оценщик не отодвинул часы. Он продолжал разглядывать их под лампой. Затем нахмурился и надавил ногтем на тонкую кромку под основным циферблатом.

— Любопытно.

— Что?

Он нажал на маленькую защёлку. Передняя крышка чуть приподнялась.

— Здесь, кажется, ещё один отсек.

Оливия наклонилась над стойкой.

Оценщик осторожно открыл крышку. Под ней оказался второй, почти незаметный циферблат. На светлом металле были выгравированы две даты — одна над другой:

1970

2000

Тонкая стрелка указывала на нижнюю дату.

Оценщик посмотрел на Оливию.

— Вы знали, что они так открываются?

— Нет. Никогда не видела.

Она не могла отвести взгляд от цифр.

Две тысячи. Год, который стоял в её бумагах как начало жизни. Год, в котором её нашли у дверей приюта. Она никогда не знала точного дня рождения, но именно с этим годом связывала своё появление в мире.

— Станный механизм, — пробормотал оценщик. — Для чего здесь две даты? И почему стрелка стоит на двухтысячном?

— Не знаю.

— Похоже на что-то сделанное на заказ. Хотя остановившиеся часы с загадочными отметками обычно не становятся от этого дороже.

Он перевернул корпус и приподнял внутреннюю крышечку. На её обратной стороне проступила тонкая гравировка:

“Когда вырастешь, ты поймешь”

Оливия почувствовала, как пальцы похолодели.

— Это тоже было здесь всё время? — спросил оценщик.

Она кивнула, хотя сама не была уверена, что видит эту надпись впервые. Может быть, она просто никогда не открывала часы так глубоко.

— Что это значит? — спросила она.

Мужчина снял очки и протёр их салфеткой.

— Не знаю. Может, кто-то хотел оставить владельцу загадку. А может, это просто сентиментальная надпись.

Он снова положил очки на нос.

— Так что, оставляем за сто пятьдесят?

Оливия смотрела на слова. Потом на даты. На стрелку, неподвижно указывавшую на 2000 год.

Её жизнь начиналась с вещи, которую она не понимала. Теперь в этой вещи обнаружилось ещё больше непонятного.

— Нет, — сказала она.

— Вы передумали?

— Да. Я передумала.

Оливия забрала часы и застегнула пальто.

На улице она остановилась у витрины, но не стала смотреть на своё отражение. В кармане тяжело лежало серебро — всего несколько десятков граммов, а ощущалось так, будто она унесла с собой вопрос, который давно пыталась не задавать.

Глава пятая

В парке было прохладно.

Оливия выбрала скамейку под старым деревом, подальше от детской площадки. После ломбарда она долго шла без цели, пока улицы не стали тише. В кармане пальто лежали часы. Она чувствовала их при каждом шаге.

Сначала ей казалось, что нужно вернуться и продать их. Сто пятьдесят долларов — не богатство, но именно столько отделяло её от очередной беды. Если оставить часы себе, завтра ничего не изменится. Хозяйка квартиры всё равно будет ждать оплату. Украденная сумка не вернётся. Надпись не объяснит, кто её написал.

Оливия села и раскрыла ладонь.

Серебро словно потемнело в мягком свете. Она открыла основную крышку, потом второй отсек. Даты показались ещё страннее на фоне тихого парка: 1970 сверху, 2000 снизу. Стрелка застыла на нижней отметке.

Она провела пальцем по гравировке.

Когда вырастешь, ты поймёшь.

Оливия коснулась букв бережно, почти нежно — словно гладила не металл, а то далёкое прошлое, до которого нельзя было дотянуться.

— И что я должна понять? — спросила она.

Листья над головой едва заметно шевельнулись.

— Что вы меня оставили? Что не смогли забрать обратно? Что я никогда не узнаю, кто вы и почему так поступили?

Она смотрела на часы, будто где-то за стеклом мог появиться ответ.

— Может, у меня была мама. Может, папа. Может, вы оба. Может, ни один из вас никогда обо мне не думал.

Последние слова прозвучали резче, чем она хотела. Оливия сжала челюсть и отвернулась. Она не любила говорить вслух то, что в одиночестве и так звучало слишком громко.

Ветер прошёл по парку. Где-то за деревьями засмеялся ребёнок.

Оливия снова посмотрела на циферблат. На 2000.

Почему именно эта дата? Почему стрелка стоит на ней? Что произошло в 1970-м? Кем были часы до того, как попали к ней?

Она не знала, зачем это делает, но большим пальцем нащупала маленькое колесико у края корпуса. Оно поддалось не сразу. Оливия повернула его чуть-чуть — не так, чтобы стрелка перескочила на другую дату, а словно пыталась проверить, есть ли у механизма ход.

Раздался щелчок.

Часы вздрогнули у неё на ладони.

Оливия замерла.

Вибрация была едва заметной, почти похожей на дрожь от усталых рук. Потом качнулась скамейка. Дерево над ней зашумело сильнее, хотя ветер будто стих.

Она подняла голову.

Парк на мгновение поплыл.

Оливия решила, что началось землетрясение. Она прижала часы к груди и зажмурилась.

Глава шестая

Оливия зажмурилась.

Ей показалось, будто ветер прошёл совсем рядом — не ударил, не толкнул, а проскользнул мимо, подхватив листья и край её пальто. Часы дрожали в ладони. Потом всё стихло.

Она не двигалась ещё несколько секунд.

— Землетрясение, — произнесла Оливия вслух.

Слово прозвучало неуверенно. Она открыла глаза и огляделась, словно искала вокруг подтверждение собственным словам: вот дерево, вот дорожка, вот скамейка — всё на месте. Никаких трещин в земле, никаких упавших веток, никто не кричит и не бежит.

Только скамейка выглядела иначе.

Оливия нахмурилась. Дерево было свежевыкрашено — ровным зелёным цветом, без облупившихся полос и тёмных пятен, которые она помнила. Или ей казалось, что помнила? Она ведь редко обращала внимание на скамейки.

Наверное, её перекрасили.

Она убрала часы в карман и поднялась. Голова чуть кружилась, но в остальном Оливия чувствовала себя нормально. Она посмотрела на кроны. Листья казались ярче, воздух — прозрачнее. Над парком не висели серые облака, которые были здесь перед тем, как она закрыла глаза. Солнце пробивалось между ветвей и грело щёку.

Оливия достала телефон. Экран погас, хотя батарея была почти полной. Она нажала кнопку включения. Телефон ожил, но на привычном месте вместо полосок связи появилась пустота.

— Ну прекрасно.

Она попыталась вспомнить, куда идти. Выход был там же — за дорожкой, мимо низкого ограждения и цветочной клумбы. Но клумба теперь выглядела ухоженной, а ограждение — свежевыкрашенным. У входа стояла маленькая будка, которой Оливия раньше не замечала.

Она двинулась по дорожке.

Вокруг всё оставалось узнаваемым и всё же чуть неверным. Деревья были те же, но как будто моложе. Вдоль дорожки шли люди в одежде, которую Оливия не могла сразу назвать устаревшей, — джинсы широкого кроя, яркие куртки, рубашки с крупными воротниками. Женщина несла на плече сумку, похожую на ту, которую Оливия потеряла, только с короткими ручками и металлической застёжкой.

Она замедлила шаг.

Машины за оградой тоже выглядели непривычно: угловатые кузова, светлые фары, ни одного знакомого логотипа на тех моделях, которые обычно мелькали у неё в городе. На перекрёстке прокатился автобус с рекламой, выцветшей настолько, будто его оставили под солнцем на много лет.

Нет. Это не могло быть правдой.

Оливия остановилась у газетного киоска возле выхода. Небольшой деревянный павильон был открыт. Вокруг стояли стойки с газетами и журналами, на верхнем ярусе лежали яркие обложки, а под стеклом продавались жвачка, шоколад и бутылки с газировкой.

Она никогда не видела здесь этого киоска.

Оливия подошла ближе. На первой полосе одной газеты крупно стояла дата: 25 сентября 2000 года.

У неё пересохло во рту.

Она потянулась к газете и стала читать заголовок, потом следующий. Бумага была чуть желтоватой, но не старой на вид. На одной обложке рекламировали фильм, который Оливия

помнила из детства. На другой обсуждали выборы. Она перевернула газету, нашла дату ещё раз и провела по ней пальцем.

— Девушка, брать будете? — спросил продавец.

Оливия не ответила.

— Читать бесплатно можно, но тогда стойте сбоку. Люди очередь ждут.

Она подняла на него взгляд.

— Простите. Какой сейчас год?

Продавец посмотрел на неё с подозрением, потом перевёл взгляд на газету.

— 2000, и окинул на нее вопросительно свою бровь?

Слова провалились куда-то внутрь.

— 2000... но какой месяц?

— Сентябрь.

Оливия сделала шаг от прилавка. Газетные полосы расплылись перед глазами. Она услышала, как продавец что-то говорит ей вслед, но не разобрала слов.

Нет. Она не могла переместиться на двадцать шесть лет назад. Не могла. Часы просто сломались, ей стало плохо, она упала в обморок. Может, это больница. Может, она лежит где-нибудь под деревом, а всё вокруг — бред.

Оливия прижала пальцы к вискам.

— Мне нужно домой.

Она пошла быстрее, почти побежала к выходу из парка. Ей нужен был знакомый подъезд, знакомая дверь, собственная кровать. Как только она окажется дома, всё снова станет на место.

Глава седьмая

Сначала Оливия не поняла, что именно изменилось.

Она свернула на свою улицу, прошла мимо маленькой аптеки — или того места, где должна была быть аптека, — и увидела знакомый дом. Тот самый, где снимала квартиру. Только окна первого этажа были закрыты фанерой, перед входом стояло ограждение, а на двери висел большой лист бумаги.

Ремонтные работы. Не походить близко.

Двое рабочих разгружали доски из грузовика. Один нёс стремянку к подъезду, другой что-то отмечал на плане. На ограждении висела табличка с датой начала работ: июль 2000 года.

Оливия остановилась на тротуаре.

— Что за...

Она приблизилась к табличке. Указанный адрес совпадал. На месте её окна висело объявление о замене труб и ремонте фасада. Ни вывески прачечной внизу, ни почтовых ящиков, ни знакомого коврика у двери.

Здания, которое она знала, ещё не было таким, каким она его помнила.

Оливия вытащила телефон и набрала номер Дженни. Экран показал вызов, но соединения не произошло. Она попыталась ещё раз, подняла телефон выше, будто сигнал мог прятаться над крышами.

Ничего.

— Нет, нет, нет...

— Оливия!

Мужской голос раздался совсем близко за её спиной. Она застыла, не сразу решившись обернуться. На секунду ей показалось, что имя прозвучало только в её голове — от страха и усталости.

— Оливия, — повторил тот же голос — уже тише и спокойнее.

Она медленно повернулась.

Глава восьмая

У тротуара стоял высокий мужчина лет шестидесяти. Седина ровно легла на висках, серые глаза смотрели спокойно и внимательно. Он был статным и хорошо одетым — не броско, не богато, а аккуратно и со вкусом. В нём чувствовалась привычка следить за собой и не занимать больше места, чем нужно.

Оливия не знала его.

Мужчина слегка улыбнулся, но не сделал ни шага навстречу.

— Вы меня знаете? — спросила Оливия.

— Знаю, что ты придёшь сюда.

Она посмотрела на него, потом на пустую улицу за его спиной. В голове ещё шумело после парка. На миг ей показалось, что она всё ещё лежит на скамейке, а разговор происходит в каком-то сне.

— Кто вы?

— Генри.

Он произнёс только имя и не стал протягивать руку. Оливия не знала, что ответить. Имя ничего ей не говорило.

— Откуда вы знаете, что я приду?

— Потому что ты уже здесь.

— Это не ответ.

Генри чуть заметно кивнул, принимая упрёк.

— После ломбарда ты пришла в парк. Села на скамейку, открыла второй отсек часов и долго смотрела на надпись. Потом попыталась повернуть механизм. Услышала щелчок, почувствовала дрожь и решила, что началось землетрясение.

Оливия перестала дышать на секунду.

— Откуда вы это знаете?

— Мне рассказали.

— Кто?

— Моя жена. Она попросила приехать сюда и встретить тебя.

Оливия посмотрела на улицу, словно надеялась увидеть там кого-то ещё. Никого. Только рабочие у ограждённого дома и проезжающие мимо машины.

— Может, я всё ещё сплю, — сказала она. — Или ударилась головой. Это похоже на сон.

— Похоже, — согласился Генри.

Он не стал спорить и не принялся объяснять, что время можно повернуть вспять. От этого его слова прозвучали убедительнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.